

МОЯ ФОТОГРАФИЯ ЧЕХОВА

ЩЕРБАКОВ Сергей Антонович -
член Союза писателей России, автор нескольких книг прозы,
лауреат литературных премий А. Платонова, Е.Носова и многих других

Аннотация: Автор статьи убеждён в том, что Чехов, один из самых великих мировых писателей, в творчестве своём оставался прежде всего врачом, а все его рассказы - это «истории болезни», чаще всего-духовной болезни.

Ключевые слова: загадочная фигура Чехова, диагноз - духовный недуг, одиночества человека, интеллигенция, «цепь» жизни, бескорыстная помощь бедным, лечение больных, скромность писателя.

В ялтинском доме Чехова есть фотография, которую я не видал ни в одном издании: Антон Павлович сидит в светлой домотканой рубашке без воротничка, усы не подстрижены, лицо загорелое, как после сенокоса. Здесь он поразительно похож на моего дела Данилу Васильевича – умный и потому немного грустный русский человек. Глядя на фотографию деда, я часто вспоминаю Чехова и вижу берёзу, посаженную им во дворе ялтинского дома. Каким-то чудом русская берёза прижилась среди магнолий и кипарисов... Видимо, надо было очень её любить, чтобы она не погибла в субтропическом климате. Возле этой берёзы я почувствовал, как Антон Павлович тосковал в Крыму по России. Помните, в «Даме с собачкой»: «Когда идёт первый снег, в первый день езды на санях, приятно видеть белую землю, белые крыши, дышится мягко, славно, и в это время вспоминаются юные годы. У старых лип и берёз, белых от инея, добродушное выражение, они ближе к сердцу, чем кипарисы и пальмы, и вблизи них уже не хочется думать о горах и море». Перечитайте последние письма Чехова перед смертью из-за границы. Антон Павлович уже обречён, ему нельзя передвигаться, а он пишет, спрашивает, как бы ему умудриться в таком состоянии добраться до Родины.

О Чехове написаны сотни книг самых серьёзных исследователей, но он остаётся фигурой загадочной.

По точности Чехов, наверное, один из самых великих мировых писателей. Может, потому, что и в творчестве он остался прежде всего врачом. Почти все его рассказы – «истории болезни», а в «истории болезни» нет места предположениям, мечтаниям, приблизительности: всего одна неточность может привести к смерти больного.

У Чехова нет здоровых людей. Многие больны физически, а духовно – почти все без исключения. Мы поразмышляем над рассказами «Тоска», «Чёрный монах», «Печенег», «Студент» и «Святая ночь».

«Тоска». У извозчика Ионы умер сын. Иона тоскует о нём, хочет поделиться своим горем с людьми, но никто не желает слушать его, и, отчаявшись, он выходит ночью к своей лошади и ей рассказывает своё горе...

Как мы теперь видим, это рассказ пророческий. Правда, вместо лошади в начале XXI века есть «телефон доверия», которому можно поведать своё горе. Рассказ страшный. Нетрудно заметить, Чехов не любит эпиграфы (не любит многозначительность, претенциозность, он вообще удивительно скромен и тактичен как автор), но в рассказе «Тоска» эпиграф есть: «Кому повем печаль мою». Зачем писателю понадобились эти псалмопевческие слова? Затем, что на этот раз Чехову необходимо было дать читателю ключ к прочтению рассказа. Эта строчка взята из духовного стиха «Плач Иосифа и былль». Дальше автор стиха сам и отвечает на вопрос: «Кому повем печаль мою, кого призову к рыданию? Токмо Тебе, Владыко мой, известна печаль моя». Говоря современным языком, эта фраза звучит так: «Кому поведаю (понесу) печаль мою... Только тебе, Бог мой...»

Если бы извозчик Иона был православным, то Чехов, точный до невероятности, обязательно показал бы это в том, что он молится, в храм ходит... Ничего этого в рассказе нет. Единственный раз Иона вспомнил Бога, сказав про смерть сына: «Божья воля». Но это для него не более чем расхожая фраза, как и у других персонажей рассказа. Один из пассажиров Ионы, когда хвастается своей пьянкой, говорит: «Накажи меня Бог, правда...» (что он выпил вчера целых две бутылки коньяку).

Вот и всё «присутствие» Бога в жизни героев рассказа. Зато почти все они чертятся, много сквернословят. Православные знают, что материться грешно, и обыкновенно держатся правила не называть дьявола вообще. «Любой бес одним когтем может перевернуть землю», — говорит преподобный Серафим Саровский.

Уж кто-кто, а Чехов, выросший в богомольной семье, с детства читавший священные книги, певший на клиросе, знал: православный человек в печали обращается прежде всего к Богу (молится, да и напрямую рассказывает Ему своё горе), да и сам, как правило, умеет выслушать, утешить других — видит в этом свою человеческую обязанность. Сознательно или нет, но Чехов поставил такой диагноз: оставшись без Бога, человек остаётся в одиночестве, наедине с лошадью, с «телефоном доверия».

О рассказе «**Чёрный монах**» обычно пишут, что это один из самых сложных, загадочных рассказов Чехова. Попробуем разобраться.

«Андрей Васильевич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы. Он не лечился, но как-то вскользь, за бутылкой вина, поговорил с приятелем доктором, и тот посоветовал ему провести весну и лето в деревне», — так начинается «Чёрный монах». И герой едет к своему бывшему воспитателю и опекуну Песоцкому в деревню. Там он «продолжал вести такую же нервную и беспокойную жизнь, как в городе. Он много читал и писал, учился итальянскому языку и, когда гулял, с удовольствием думал о том, что скоро опять сядет за работу. Он спал так мало, что все удивлялись... Он много говорил, пил вино и курил дорогие сигары... слушал музыку и пение с жадностью и изнемогал от них...»

Затем откуда-то запала ему в голову легенда о чёрном монахе. Что будто бы тысячу лет назад какой-то монах шёл по пустыне и за несколько миль от этого места рыбаки видели мираж от него. От этого миража получился другой мираж, «потом от другого третий, так что образ чёрного монаха стал без конца передаваться из одного слоя атмосферы в другой». Его видели в разных странах, потом он стал блуждать по Вселенной, но ровно через тысячу лет мираж якобы должен опять показаться на Земле людям.

Вскоре Андрей Васильевич увидел этот мираж. Более того, чёрный монах стал являться ему в самое неожиданное время и внушать, что Андрей Васильевич — избранник Божий, гений, что такие, как он, осчастливят человечество великим, блестящим будущим... Андрея Васильевича лечили от галлюцинаций и мании величия, то есть от сумасшествия. Вылечили, но он разошёлся с женой, женился на другой и опять заболел — стала идти горлом кровь. Поехал лечиться в Крым, там снова увидел чёрного монаха и умер.

Вот и вся история болезни (сумасшествия) одного из русских интеллигентов. Много работал, много пил, много говорил, впал в манию величия... Но это пересказ «истории болезни» медицинской, а Чехов написал художественную, в которой раскрыл самую суть русской интеллигенции и предсказал её будущее.

Кто же такой этот чёрный монах? По-медицински он, конечно, галлюцинация, мираж. В православном же мирозерцании нет галлюцинаций и миражей, но всё, что видит человек, — реально. Правда, одни люди видят ангелов, другие — демонов. Так кто же явился Андрею Васильевичу? Из Священного Писания, из трудов Святых Отцов наших мы знаем: ангелы являются только святым и лишь иногда, в исключительных случаях, простым смертным. Дьявол же и его слуги могут являться всем. Наш герой, как мы знаем, не верил в Бога, значит, ангел не мог ему явиться.

Ангелы, являясь, всегда призывают к смирению, к покаянию, а бесы нашёптывают человеку, что он гений, избранник Божий, а другие люди — стадо. Чёрный монах как раз этим и довёл Андрея Васильевича до сумасшествия. Выходит, Чехов показал нам дьявола. Более

того, про чёрного монаха он неоднократно говорит, что тот взглянул лукаво или «улыбнулся ласково и в то же время лукаво». Уточним, что лукавый – одно из имён дьявола. Даже святой Симеон Столпник чуть не был прельщён им. Дьявол явился ему в виде ангела на колеснице и сказал: «Господь забирает тебя к себе». Мол, ты уже настолько святой, что заслужил от Бога высшую награду – быть восхищённым на небо во плоти. Симеон чуть было не шагнул в колесницу, но в последний миг перекрестился, и дьявольское наваждение рассыпалось в прах. Но Симеона-то крест спас, его неизмеримая сила духовная, а что может спасти неверующего?

В «Чёрном монахе» Чехов показал причину духовной болезни русской интеллигенции: безбожие. «Ему (Коврину) стало жутко, и он мельком взглянул на дверь, как бы боясь, чтобы не вошла в номер и не распорядилась им опять та невидимая сила, которая в какие-нибудь два года произвела столько разрушений в его жизни и в жизни близких».

Разрушающая, но не созидаящая сила распорядилась Андреем Васильевичем Ковриным: «Коврин теперь ясно сознавал, что он посредственность». «В каждой строчке (работ, написанных им во время болезни, — С.Щ.) видел он странные, ни на чём не основанные претензии, легкомысленный задор, дерзость, манию величия, и это производило на него такое впечатление, будто он читал описание своих пороков». Да, собственно говоря, у безбожного интеллигента и выбора-то нет: без Бога будешь посредственностью, а если попадёшь в лапы дьяволу, всё равно тебя ожидает «легкомыслие и описание своих пороков».

Рассказ «Печенег» важен для нас прежде всего двумя деталями: словом «зацепка» и замечанием: «В углу тёмная доска, которая когда-то была иконой».

Герой рассказа Иван Абрамыч Жмухин, отставной казачий офицер, возвращался из города, где «говел и писал у нотариуса завещание (недели две назад с ним приключился лёгкий удар), и теперь в вагоне всё время, как он ехал, его не покидали грустные, серьёзные мысли о близкой смерти, о суете сует, о бренности всего земного». Потом в вагон «вошёл белокурый господин средних лет, пухлый, с поношенным портфелем». Разговорились. Господин ехал в село неподалёку от хутора Ивана Абрамыча. Жмухин радушно пригласил попутчика переночевать. Дома оказалось, что гость вегетарианец и, «по-видимому, кроткого нрава». А Жмухину «хотелось на старости лет остановиться на чём-нибудь, успокоиться, чтобы не так страшно было умирать. Хотелось кротости, душевной тишины и уверенности в себе, как у этого гостя, который вот наелся огурцов и хлеба и думает, что от этого стал совершеннее... Имеет человек в жизни зацепку — и хорошо ему». И Жмухин, тоже желая иметь «зацепку», до того надоедает гостю своими разговорами, вопросами (а как же быть со свиньями? ведь если мясо всем людям не есть, тогда свиньи расплодятся и уничтожат все луга и огороды), что замученный гость на заре не выдержал и попросил, чтобы заложили лошадь. «В воротах вдруг не вытерпел и крикнул громко и сердито: "Вы мне надоели"».

Вот и весь рассказ. Жмухин — грубый, неотёсанный, бескультурный, одним словом — «печенег». А его гость, судя по всему, человек культурный, вегетарианец (может быть, даже толстовец). Обычно рассказ интерпретируют так: уж такой печенег этот Жмухин, что даже имеющий в жизни зацепку вегетарианец не вытерпел — оскорбил хозяина напоследок. Точнее, самого факта оскорбления никто как-то не замечает. Дескать, такой Жмухин кого хочешь из себя выведет! И получается Антон Павлович всего лишь остроумным писателем, не терпящим бескультурья и невежества.

Мне же этот рассказ видится по-другому. Оба героя не веруют в Бога, и в этом они — одного поля ягоды. О Боге белокурый господин не сказал ни слова, а Жмухин, хотя и говел в городе, и поминает иногда между делом имя Его, тоже не верит (иначе бы зачем он ещё искал какую-то «зацепку»?). Чехов подчёркивает неверие Жмухина (это почему-то очень важно для него!): в доме «ни одной картины, а в углу тёмная доска, которая когда-то была иконой». Икона для Жмухина и стала доской. И дальше Чехов указывает) вает на равнодушное отношение обоих героев к Богу: «чтобы ему (гостю) не было темно, зажгли лампадку». Не из любви к Богу, не из желания помолиться Ему, но чтобы гостю не было темно...

Да, Жмухин — печенег, а белокурый господин чем лучше его? Согласитесь, вместо

спасибо за хлеб-соль, за ночлег, уезжая на хозяйской лошади, крикнуть «вы мне надоели» — по меньшей мере неблагодарно. Выходит, что Жмухин не совсем уж зря задавался вопросом о том, куда денутся свиньи при повальном вегетарианстве... А если бы вегетарианец был поспасительнее к Жмухину, повнимательнее к мучившим его вопросам и на прощание поклонился бы ему за хлеб-соль, за лошадей, глядишь, Жмухин бы и забыл про свиней. Да и сам вегетарианец не оказался бы неблагодарным человеком. Так, может, белокурый господин — печенег, а не Жмухин, всю жизнь проживший на степном СЦ своём хуторе?

У Чехова немало героев ищут «зацепку» за жизнь или имеют её, но «цепь» жизни писатель показал всего в двух-трёх рассказах. Один из них — «Студент».

Студент духовной академии Иван Великопольский, возвращаясь с охоты в страстную пятницу, думал о том, что «и при Рюрике... И при Иване Грозном, и при Петре... была точно такая же лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска... чувство гнёта, — все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдёт ещё тысяча лет, жизнь не станет лучше. И ему не хотелось домой». И он пошёл на костёр, горящий на вдовьих огородах. Там, грея над огнём руки, сказал: «Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Пётр». А затем поведал, как Пётр, по предсказанию Христа, трижды от Него отрекся до того, как пропел петух, и как потом страдал от этого. Одна из слушавших студента женщин, Василиса, заплакала, а другая, её дочь Лукерья, покраснела, словно сдерживая сильную боль...

Идя домой, Иван Великопольский «думал о Василисе: если она заплакала, то, значит, всё происшедшее в ту страшную ночь с Петром имеет к ней какое-то отношение... Если Василиса заплакала, а её дочь смутилась, то, очевидно, то, о чём он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям... И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой... Думал о том, что правда и красота, направляющие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле...»

В рассказе «Студент» Чехов показал, наконец, истинную «цепь» жизни — веру православную. Единомыслен ли автор со своим героем или нет, но герой явно симпатичен ему и (один из очень немногих у Чехова) — счастлив.

Пишу я эти строки и почти наяву слышу: «Ну, хорошо. Всё у вас так складно получается, но куда же деть всех этих чеховских дьячков, объедавшихся икрой, пьяных и глупых священников? Ведь если Чехов так серьёзно относился к православию, то почему резко критиковал священство?» Не критиковал, а просто описывал то, что видел. Но разве он радовался этому? Конечно, он невольно добавлял своей горечи в яд неверия и даже позволял себе смеяться, но это был «смех сквозь невидимые миру слёзы».

В рассказе «Святою ночью» герой переправляется на пароме в монастырь на празднование Воскресения Христова. «Не помню, когда в другое время я видел столько звёзд. Буквально некуда было пальцем ткнуть. Тут были крупные, как гусиное яйцо, и мелкие, с конопляное зерно... Ради праздничного парада вышли они на небо все др одной, от мала до велика, умытые, обновлённые, радостные, и все до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось в воде, звёзды купались в тёмной глубине и дрожали вместе с лёгкой зыбью».

Паромщик, послушник из монастыря Иероним, откликаясь на восклицание героя «Как красиво!», говорит: «Так-с... радостный день нынче... Радуете и небо, и земля, и преисподняя. Празднует вся тварь. Только скажите мне, господин хороший, отчего даже и при великой радости человек не может скорбей своих забыть?» Герою показалось, что его вызывают «на один из... душеспасительных разговоров, которые так любят праздные и скучающие монахи», но когда узнал, что сегодня в самую обедню умер иеродиакон Николай, друг Иеронима, то попытался утешить скорбящего: «...кто умрёт под Пасху или на Пасху, тот непременно

попадёт в Царство Небесное». И уже со вниманием сердечным слушал рассказ об иеродиаконе Николае, который нарочито ночью вставал, выходил на берег и подавал голос, чтобы Иерониму на пароме страшно не казалось, что у него был редчайший дар — акафисты писать. Герой спросил: а разве акафисты трудно писать? Иероним ответил: «Так надо писать, чтобы молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил... Кроме плавности и велеречия, сударь, нужно ещё, чтоб каждая строчечка изукрашена была всячески, чтоб тут и цветы были, и молния, и ветер, и солнце, и все предметы мира видимого».

Герой поинтересовался, печатал ли Николай свои акафисты. Иероним объяснил: «Где ж печатать?.. Да и странно было бы печатать. К чему? В монастыре у нас никто этим не интересуется. Не любят. Знали, что Николай пишет, но оставляли без внимания. Нынче, сударь, новые писания никто не уважает! Будь Николай старцем, то, пожалуй, может, братия и любопытствовала бы, а то ведь ему и сорока лет не было. Были которые смеялись и даже за грех почитали его писание... Знаете, у нас в монастыре народ всё хороший, добрый, благочестивый, но... ни в ком нет мягкости и деликатности, все равно как люди простого звания. Говорят все громко, когда ходят, ногами стучат, шумят, кашляют, а Николай говорил всегда тихо, ласково, а ежели заметит, что кто спит или молится, то пройдет мимо, как мушка или комарик. Лицо у него было нежное, жалостное... Сейчас запоют Пасхальный канон, а Николая нет, некому вникать... Для него сла-же и писания не было, как этот канон. В каждое слово, бывало, вникал! Вы вот будете там, господин, и вникните, что поётся: дух захватывает!»

Переправившись, герой вошёл в храм, где «есть какая-то сплошная детски безотчётная радость, ищущая предлога, чтобы только вырваться наружу...». И вскоре герою стало «невыносимо больно за Иеронима. Отчего его не сменяют? Почему бы не пойти на паром какому-нибудь менее чувствующему и менее впечатлительному?» «Я поглядел на лица. На всех было живое выражение торжества, но ни один человек не вслушивался и не вникал в то, что пелось, и ни у кого не «захватывало духа»... Отчего не сменяют Иеронима? Я мог себе представить этого Иеронима, смиренно стоящего где-нибудь у стены, согнувшегося и жадно ловящего красоту святой фразы. Всё, что теперь проскальзывало мимо слуха стоящих около меня людей, он жадно пил бы своей чуткой душой, упился бы до восторгов, захватывания духа, и не было бы во всём храме человека счастливее его».

Но героя отвлекли: монах пролагал путь «какой-то даме в шляпке и бархатной шубке. Вслед за дамой, неся над нашими головами стул, торопился монастырский служка». И наш герой, по своей интеллигентской привычке осуждать других, сразу вышел из церкви. Он отправился посмотреть умершего иеродиакона Николая, но не нашёл. «И теперь я не сожалею, что не видел Николая, бог знает, быть может, увидав его, я утратил бы образ, который рисует теперь мне моё воображение. Этого симпатичного поэтического человека, выходившего по ночам перекликаться с Иеронимом и пересыпавшего свои акафисты цветами, звёздами и лучами солнца, непонятого и одинокого, я представляю себе робким, бледным, с мягкими, кроткими и грустными чертами лица. В его глазах, рядом с умом, должна светиться ласка и та едва сдерживаемая, детская восторженность, какая слышалась мне в голосе Иеронима».

Оказывается, Чехов может и монахов описывать с любовью и уважением! Если они ревностно от всей души служат Господу, если они кротки, как голуби. Вдумайтесь, о чём больше всего печалится он вместе со своим героем. О том, что ни у кого теперь не захватывает духа от святых фраз, что всё проскальзывает мимо слуха людей, что мало таких настоящих слуг Божиих, как Иероним и Николай!

Желал того Чехов или не желал, но «диагноз» его творчества прочитывается так: без Бога человек становится «печенегом», «хамелеоном», «пришибевым» или же спивается, сходит с ума, в лучшем случае — становится просто непутным. Да, Чехов мрачно смотрел в будущее, но если это будущее — без Бога...

Как наяву я вижу ту ялтинскую фотографию Чехова, с которой глядит грустный русский человек, похожий на моего деда и на одинокого и непонятого сочинителя акафистов

иеродиакона Николая. Антон Павлович — один из весьма немногих художников, не «прославившихся» дурной славой. Чехов не пьянствовал, не скандалил, не распутничал, не кричал о своей гениальности, зато без шума и громких фраз работал как вол, помогал бедным, лечил больных. Уж он-то перед смертью с полным правом мог сказать о себе, как сказал Иван Бунин: «Думаю, я был хороший писатель». Но Антон Павлович Чехов по-христиански смиренно промолчал...

ЦГТБ имени А. П. Чехова